

© 2023 г.

П.С. СОРОКИН

ПРОБЛЕМА «АГЕНТНОСТИ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

СОРОКИН Павел Сергеевич – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией исследований человеческого потенциала и образования Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (psorokin@hse.ru).

Аннотация. В последние годы в различных сферах общественной жизни появляются новые типы индивидуального действия, новые структуры, а также новые формы их взаимосвязи. Вопрос о роли и потенциале индивидуального действия в трансформациях социальной среды выходит на первый план, требуя выработки новых теоретических моделей и методологических решений, соответствующих новой эмпирической реальности и практическим задачам. На основе критического обзора исследований в мировой социологии показаны ограничения доминирующих трактовок онтологического аспекта проблемы «структуры-действия», включая взгляд на действие и структуры, как неразделимо связанные, онтологически неразличимые (Гидденс, Мейер, Бурдьё и др.), тенденцию к сверх-онтологизации отдельных структур, когда агентность приписывается искусственным феноменам (акторно-сетевая теория), тренд на игнорирование макроструктурной динамики и связанных с ними объективных качественных социальных изменений, выраженный в низведении проблемы индивидуальной агентности до ситуационных инноваций при решении локальных проблем (последователи американского прагматизма). Отдельно рассматривается концепция полей стратегического действия Флигстина и Макадама, как одна из наиболее обсуждаемых сегодня в социологии и смежных науках попыток объяснить социальные изменения – с фиксацией ограничений указанной теории и критическим анализом дискуссий последних лет вокруг нее. Статью завершает формулировка перспективных направлений исследований на макро-, мезо- и микроуровнях социальной реальности для более адекватного понимания проблемы индивидуальной агентности и ее места в социальной динамике.

Ключевые слова: деструктуризация • агентность • структура – действие • глобальный кризис • международная социология

DOI:

Постановка проблемы. Социология регулярно критикуется за неспособность прогнозировать и объяснить социальные изменения. Цель настоящей статьи: обосновать возможный ответ на вопрос о причине этой неспособности, которая состоит в недостаточном учете социологами трансформационного потенциала индивидуального действия. Учет данного фактора становится особенно важным теоретически и практически в условиях меняющейся, деструктурированной социальной реальности, когда степень зависимости «структуры» от «действия» возрастает.

Статья выполнена в рамках работ, поддержанных по программе ПФИ НИУ ВШЭ.

Более того, созидательное, совершенствующее структуры индивидуальное действие – становится необходимым для их практической адаптации к меняющейся среде. В этих условиях направление развития новой социальной реальности менее детерминировано структурными факторами (в отличие от прежних фаз социетальной эволюции), но в значительной степени определяется сознательными «агентными» стратегиями акторов, действующих как со стороны новых форм социальной организации (например, блогеры, лидеры мнений в социальных сетях), так и изнутри «старых» структур. Примерами последних являются лидеры государств-ядерных держав, в частности, Си Цзиньпин, генеральный секретарь ЦК Коммунистической Партии Китая, конституционно зафиксировавший в 2022 г. свою роль в истории страны как равную Мао Цзэду в рамках новой программы до 2049 г., или главы крупнейших международных корпораций (например, пресловутый Илон Маск, чьи оригинальные бизнес-решения уже несколько лет определяют движение фондовых рынков мира).

При всей кажущейся избитости темы о «роли личности в истории», она требует переосмысления сегодня, по причине, во-первых, существенного возрастания количества и разнообразия индивидуальных акторов, реализующих самостоятельные, не ориентированные на единые «правила игры», и зачастую противоречащие друг другу с точки зрения как целей, так и средств, «агентные» стратегии, во-вторых, радикального расширения возможностей эффекта индивидуального действия на коллективные образования (например, в виде экономических действий наиболее обеспеченных граждан мира на фондовом рынке (Уоррен Баффет) или потребительских и карьерных выборов медийных персон (Криштиану Роналду)).

Новая реальность представляет беспрецедентные возможности и риски для миллионов, если не миллиардов, людей. В частности, это касается растущего неравенства между индивидами в ситуации объективного увеличения потенциального эффекта индивидуального действия, а, следовательно, и соответствующего вознаграждения на рынке труда и за его пределами. Посмотрим на быстрое распространение нетрадиционных форматов занятости (фриланс, самозанятость, работа через платформы), с характерными для них противоречиями между (1) расширением по отношению к традиционному корпоративному сектору возможностей управлять своим временем, трудовой нагрузкой и сферой делового общения, и (2) ограничением перспектив вертикальной мобильности с точки зрения дохода, престижа, а также гарантий благополучия в сочетании с повышенными рисками чрезмерных опасных для здоровья нагрузок. Поведение высокообразованных людей, систематически занятых на указанных платформах, и конфигурация «платформенных» социальных отношений, не поддаются привычным моделям объяснения социальной мобильности, как и так называемый дауншифтинг – популярная форма квази-карьерной траектории, предполагающая, как правило, добровольный выход из привычных для современного общества структур экономической и социальной жизни. Отметим и модели так называемого краудфандинга, которые крайне далеки от привычных форм трудового поведения (поскольку не предполагают оплачиваемую занятость), однако уже сегодня становятся одной из важных движущих сил экономики и генерации инноваций, особенно в высокотехнологичной сфере и экономике знаний (например, так называемые, сообщества «Открытого кода» в среде программистов).

В сфере здравоохранения форматы «телемедицины» и «самолечения» радикально меняют привычные институциональные практики заботы о здоровье, а массовое движение «антиваксеров» (людей, сознательно отказывающихся от вакцинации, несмотря на мощное давление) в развитых странах является ярким подтверждением снижения регулятивного потенциала базовых институтов общества модерна.

Таким образом, в разных сферах общественной жизни можно обнаружить «странные», но важные и массовые тенденции: появляются не просто новые типы социального действия или новые структуры, а новые формы взаимосвязи между первым и вторыми. Осмыслиют ли их в указанном ракурсе социологи? Нет, напротив, они преимущественно рассматриваются как сугубо периферийные по отношению к тем более привычным

социальным феноменам, которые де-факто постепенно сокращаются: формальная корпоративная занятость в очном формате, политическое участие населения в официальных партийных системах и др. Недостаточное понимание новых явлений и тенденций со стороны социологии – есть признак более фундаментальной проблемы: неадекватного представления о человеке и его соотношении с окружающим социальным миром, которое не всегда в явном виде проговаривается (за исключением специальных теоретических дискуссий), но имплицитно доминирует.

Агентность в условиях деструктуризации. В специальной литературе по социальной теории данная проблематика ассоциируется с так называемой дискуссией о «структуре-действии» («structure/agency») [Piironen, 2016, Сорокин, Фрумин, 2020, Йоас, 2005, Де-вятко, 2004] или с вопросом «агентности» [Cavazzoni, 2021, Сорокин, Зыкова, 2021]. В отечественной науке термин «агентность» пока менее укоренен, однако в последнее время наблюдается растущий интерес к тому, как индивидуальное действие может менять социальную среду, генерируя трансформации, выходящие за пределы объективных трендов «саморазвития» структур [Кравченко, 2022, Фетисов, 2022]. Показательна сохраняющаяся достаточно массовая тенденция среди социологов трактовать «агентность» («agency») как атрибут не только (и не столько) индивида, но и социальной среды [Emirbayer, Mische, 1998] – проблема, связанная с вопросами онтологии, о чем подробнее ниже.

В настоящей статье мы рассматриваем понятие «агентности» как отражающее такое индивидуальное, трансформирующее социальную среду действие, которое в существенной степени выходит за пределы воспроизводства (повторения) заданной извне институциональной логики или структурного контекста – то есть в том смысле, в котором данное понятие обсуждается в новейших дискуссиях в социологии и смежных науках [Cavazzoni et al., 2021].

Происходящий на наших глазах глобальный институциональный кризис, связанный с нарастающим с февраля 2022 года фактическим разрушением международной системы права и власти, сформировавшейся в XX в., невозможно понять в русле «естественной» логики развития тех или иных базовых институтов (рынок, государство, гражданское общество и т.п.). Недостаточно помогают и утверждения о формировании новых над- или вне-индивидуальных «актантов». Структуры оказываются существенно более «хрупкими», чем казалось прежде, вариации индивидуального действия – более непредсказуемыми, а их эффекты – более масштабными.

Проблема «агентности» становится ключевой для эволюции нашей науки по причине важного изменения в социальной реальности, набирающего ход последние десятилетия и, в особенности, в последние годы, – деструктуризации.

Деструктуризация предполагает не только относительную онтологическую независимость индивидуального действия от структуры (то есть наличие определенной степени свободы воли), но и принципиальную зависимость структуры от действия (на любом уровне – сообщества, организации или государства), с возможностями как созидательного, так и деструктивного эффекта. Такая постановка влечет за собой вопросы о возможностях, факторах формирования, проявлениях и последствиях такой индивидуальной агентности (в том числе погруженной в организационные среды), которая конструктивно поддерживает и преобразует социальный мир.

В теориях управления уже обсуждается феномен гиперменеджмента, фокусирующий-ся на созидательном потенциале трансформирующего действия сотрудников [Bromley, Meyer, 2021]. В других отраслевых направлениях (социология гендера, расы, социология общественных движений и др.) также имеются релевантные разработки, однако они практически не рассматриваются как части более широкой проблемной области [Cavazzoni et al., 2021]. Более того, даже в тех работах, где демонстрируются параллели между различными проявлениями «агентности» на эмпирическом уровне, редки попытки соотнести конкретные «отраслевые» результаты с разработками в области общей социальной теории. К свежим примерам такого рода попыток можно отнести широко обсуждаемую за рубежом теорию полей стратегического действия Д. Флигстина и Н. Макадама

[2022; Fligstein, MacAdam 2011; Klutz, Fligstein, 2016] или разрабатываемые в зарубежной и российской литературе идеи постгуманизма [Катерный, 2021].

Основной проблемой современных разработок в области социальной теории по проблеме структура/действие является отсутствие в них четкого разграничения между индивидуальной агентностью как самостоятельным фактором социальных изменений и «естественным» (то есть независящим от усилий индивида) развитием социальных структур. Более подробно этот вопрос рассматривается ниже.

Реальна ли индивидуальная агентность? От философских абстракций к эмпирическим иллюстрациям. Можно выделить несколько трактовок онтологического аспекта проблемы индивидуальной агентности в современной социологии.

Действие и структуры в большинстве авторитетных социальных теорий видятся как неразделимо связанные, когда «маленькое» действие является выражением «большой» структуры (Гидденс, Мейер, Бурдьё, марксистская традиция и др.). За декларацией о «решенной» таким образом проблеме агентности стоит гипотеза о существовании относительно жесткой и стабильной социальной реальности, выходящей за пределы непосредственно переживаемых индивидом (и подверженных его влиянию) локальных ситуаций действия и формирующей базовые условия и возможности человеческого поведения [Piironen, 2014]. Действие может только «выражать» или «воспроизводить» структуры, отражая возможные противоречия и конфликты между ними (что характерно для марксистской трактовки) или утверждая положительный статус-кво (новый институционализм), но не создавать новые структурные конфигурации.

В частности, Флигстин и Макадам, вслед за Гидденсом, Бурдьё, ДиМаджио, Мейером и др., отмечают, что структура и действие представляют собой взаимосвязанные элементы, разделяемые скорее аналитически, но не онтологически [Fligstein, McAdam, 2011]. Таким образом, в центре их внимания не реальность человеческого действия (включая стоящие за ним самостоятельные факторы индивидуального уровня), а исключительно динамика изменения структур (полей), в которой действие рассматривается как атрибут скорее поля, чем человека, хоть и реализуется «через» последнего.

Отчасти, альтернативная позиция стартует от идей американского прагматизма (Дьюи и др.) и находит более полное выражение в прагматическом повороте Р. Бернштейна [Рубини, 2018, Bernstein, 2010]. Согласно этому подходу, на микроуровне человеческое действие переосмысливается как способное «нести новизну», наделенное «воображением» и «творчеством», но только в масштабе конкретной ситуации или решения локальной проблемы [Йоас, 2005]. Макроуровень социальных изменений при таком подходе остается за кадром, деонтологизируется. За фокусом на отдельных ситуациях исчезает постановка вопроса о связи между структурой и действием в более длинной исторической перспективе: индивид окончательно размывается, становится «придатком» уже не «большим» структур, но «маленьким» ситуаций. В результате понимание роли индивидуальной агентности в изменении социальных структур в длительной исторической протяженности, например, в преодолении кризисных процессов глобального или национального масштаба (что стало особенно важным в 2020-е гг.) становится невозможно.

Наконец, подход сторонников акторно-сетевой теории Латура (см. [Катерный, 2021]), а также ряда представителей неомарксистской традиции (см. [Фильк, Рам, 2015]), идёт дальше и, в попытке описать ускоренные и непредсказуемые социальные изменения, утверждает «агентность» распределенным атрибутом особого типа новых структур, прежде всего, в технологической сфере. В данном случае имеет место не низведение индивидуальной агентности до мелких и частных вопросов (как в случае с прагматизмом), но гиперболизация агентности не-человеческой; не просто деонтологизация человека в пользу социальных структур, но сверхонтологизация несоциальной материи.

Таким образом, важная проблема и одновременно фронтир для развития современных дискуссий – это более полный учет созидательного потенциала индивидуального действия не только с точки зрения абстрактного участия в возникающих в силу внешних,

надындивидуальных причин «дискурсах», но и проактивной генерации реальных новых форм социальной организации, включая такие, которые могут вполне успешно подавлять одни и стимулировать другие направления использования технологических возможностей.

В качестве дополнительных эмпирических иллюстраций новых форм социальной организации, приведем такой феномен, как «самоорганизующиеся рабочие команды» в корпоративном секторе, в том числе в государственных учреждениях [Ruotsalainen et al., 2022], или растущую категорию самозанятых, доход которых определяется личным социальным капиталом (дизайнеры, программисты, журналисты, частные психологи, коучи и др.) [Sanchez et al., 2015]. Разнообразие форм культурно одобряемого предпринимательства (включая, так называемое, устойчивое, социальное или зеленое предпринимательство [Ali, 2021]) показывает высокий объем трансформирующего низового действия в глобальном масштабе.

Приведем примеры из актуальной российской практики: в 2022 г. количество физических лиц, зарегистрированных как участники российского фондового рынка, достигло 20 млн человек; и эта цифра растет, несмотря на кажущееся «схлопывание» рыночных институтов российской экономики¹. Таким образом, миллионы россиян уже де-факто вовлечены в трансформирующее социальное действие по отношению к корпорациям, как формальным экономическим институтам: они продают и покупают акции, то есть буквально «части» компаний как формальных структур. По данным Мониторинга Экономики Образования 2022 г., более половины российских студентов вузов рассматривают возможность стать предпринимателями в горизонте 5 лет после завершения обучения, а более четверти из них уже имеют опыт участия в социальных инициативах, в то время как каждый 10-й – назвал себя инициатором того или иного социального проекта [НИУ ВШЭ, 2022]. При том, более 40% опрошенных, рассматривающих возможность стать предпринимателями в будущем, отметили среди наиболее дефицитных для себя навыков – владение инструментами фондового рынка, в то время как различных «мягких навыков» (например, лидерских качеств или самоорганизации) не хватает, по данным самооценок менее 20% из них [там же].

По данным исследования школьников, проведенного с участием Института образования НИУ ВШЭ в 2020 г. на выборке детей, вовлеченных в дополнительное образование, около трети учащихся имели опыт инициации онлайн-групп и сообществ в сети Интернет в условиях пандемии, причем указанные учащиеся демонстрировали значительно более высокие показатели оптимизма, удовлетворенности и благополучия (вне зависимости от тематики, которой были посвящены их онлайн-инициативы), в сравнении с детьми, не имеющими соответствующего опыта [Гошин и др., 2022].

Приведенные примеры показывают объективную реальность индивидуальной агентности, как деятельности по трансформации существующих (например, через покупку/продажу акций) или созданию новых структур (запуск стартапов или создание сообществ). Для понимания этой реальности представляется неадекватной доминирующая в социальной теории установка на «структурный детерминизм». Однако в современной социологии есть и альтернативный взгляд. Его сторонником выступает М. Арчер: «Только при условии принятия онтологического различия между “структурой” и “действием” может возникнуть вопрос о том, как воздействия первой могут корректироваться вторым. Только если признать, что субъективность “агентов” и объективность “структур” имеют каждая свою самостоятельную каузальную силу, вопрос об их взаимосвязи становится неочевидным» [Archer, 2003: 14–15].

Критический анализ одного из наиболее обсуждаемых сегодня теоретических подходов для ответа на данный вызов представлен ниже.

¹ Данные из отчетности Московской биржи о количестве активных трейдеров в июне 2022 года (2022) / Московская Биржа [сайт]. URL: <https://www.moex.com/n49811/?nt=106> (дата обращения: 15.12.2022).

Теория полей стратегического действия как возможный путь к пониманию современных социальных изменений. Данная теория известна российским социологам [Флигстин, Макадам, 2022; Масловский, 2016]. Это, пожалуй, наиболее проработанная попытка социологов «усидеть на двух стульях»: с одной стороны, учесть отмеченную выше турбулентность социального мира, изменчивый характер социальных структур (недооцененный, как справедливо отмечают авторы, прежними творцами «больших теорий»), с другой стороны, сохранить в качестве первичного (по сути, единственного) объекта анализа эти же социальные структуры, оставаясь верными завету Дюркгейма.

Обобщая разработки в области теории полей стратегического действия, а также разворачивающиеся вокруг нее последние 10 лет активные дискуссии, можно сформулировать несколько ключевых достижений:

во-первых, признание того, что социальные поля не существуют автономно от внешней среды, но зависят от других полей, разных по масштабу, структуре и характеру реализуемой в них деятельности, что недостаточно учитывается и в концепции Бурдьё, и в работах нового институционализма;

во-вторых, фиксация того, что социальное поле воспринимается по-разному различными входящими в него акторами, имеющими различные, в том числе противостоящие интересы с точки зрения борьбы за более высокие позиции в данном поле. Таким образом, преодолевается характерное и для новых институционалистов, и для Бурдьё, и для Гидденса, представление о базовой устойчивости и стабильности полей;

в-третьих, выдвижение гипотезы, согласно которой поля трансформируются, прежде всего, по причине изменений в других, связанных с ними полях, а также по причине целенаправленной деятельности акторов по улучшению своих позиций внутри полей или по созданию новых полей. Таким образом, в полях возможно «инновационное действие», существенно меняющее заведенный порядок вещей.

в-четвертых, утверждение, что важный фактор, определяющий способность индивидуальных акторов к инновационному, трансформирующему поля действию, это наличие у них так называемого «социального навыка», то есть способностей к формированию коалиций, выработке и распространению новых вариаций идентичности, стратегий, и, в целом, возможности влиять на поведение других участников поля. В обосновании концепции «социального навыка» авторы используют идеи Дж.Г. Мида о характерной для человечества экзистенциальной потребности в «принадлежности к социальному целому».

Флигстин и Макадам утверждают, что предложенная ими модель носит универсальный характер и приложима для анализа социальной динамики в любом масштабе и на любой исторической протяженности. Действительно, опираясь на их идеи, Спигер с коллегами [Spicer et al., 2019] эмпирически показали, как за короткое время (не более десятилетия) сформировался и получил высокую легитимность на национальном уровне в США новый массовый социальный феномен (одновременно многомиллиардный бизнес) – социальное предпринимательство. Особо ценным является детальный анализ решающей роли в этом процессе трех конкретных человек, которые, по мнению авторов, являют собой примеры стратегического действия, основанного на мощном социальном навыке. В свою очередь, Опара с коллегами [Opara et al., 2021] эмпирически показали аналогичные процессы на примере государственно-частного партнерства в Канаде.

Пожалуй, наиболее амбициозной попыткой сформулировать с использованием идей Флигстина и Макадама новую, учитывающую феномен агентности, теорию социальных изменений является высокоцитируемая работа Мей [May, 2013], предлагающая обобщение социологических и психологических разработок с целью выработать «Общую теорию внедрения новшеств» («General theory of implementation»). Несмотря на фокус данной работы прежде всего на проблемах имплементации инноваций в медицине, она пытается интегрировать широкий корпус социологических и психологических идей.

Признавая очевидный вклад авторов в понимание природы социальных структур и их связи с индивидуальным действием, теория полей стратегического действия имеет ряд

существенных ограничений, которые пока не обсуждались в социологической литературе в России и за рубежом.

Прежде всего, признание принципиальной изменчивости социальных полей, с точки зрения их внешних (связанных с отношениями с другими полями) и внутренних (связанных с объективной структурой поля и с представлениями о ней акторов) аспектов – делает само понятие «поля» иллюзорным, онтологически сомнительным.

Рассматриваемый вектор развития социальной теории, с опорой на идею примата социальной структуры над индивидом и его действием, привел к концепции социальной структуры, столь зыбкой и ускользающей, что физическая реальность индивидуальной жизни, с ее осязаемым и имеющим сознание носителем, выстраивающим свои отношения с окружающими в динамическом поле собственной биографии – выглядят значительно более «реальными», чем структуры как набор позиций, ячеек или дискурсов, живущих «своей жизнью», существующих автономно.

Сочетание предложенного выше взгляда на онтологический статус индивидуальной агентности с прочтением дискуссий вокруг концепции Флигстина и Макадама через призму тезиса о деструктуризации может оказаться продуктивным для определения возможных следующих витков в эволюции социальной теории в ответ на актуальные эмпирические процессы и связанные с ними практические вызовы, в том числе для российской социологии.

Перспективные направления развития социологической теории в условиях новой реальности. На *макроуровне* социальной реальности перспективно изучение связи динамики представлений о глобальном мире с конкретными изменениями структур на мезоуровне и индивидуальных стратегий действия. Казалось бы, тезис Флигстина и Макадама о вложенности полей «по вертикали» предполагает учет самого верхнего уровня – общества в целом. И все же, подобный ход, редуцирующий макроуровень социального мира до «еще одного слоя» полей, проблематичен в сегодняшних условиях.

Как справедливо отмечается в работах Дж. Мейера, автора теории «Всемирного общества», один из важных аспектов социальной динамики XX и начала XXI в. состоял в том, что люди разных стран, помещенные в различные социальные структуры, стали объединены едиными представлением о прогрессе и человечестве в целом, связанном с западными идеалами демократии и рынка, несмотря на радикальные различия в том, что можно назвать «технической эффективностью» или «полезностью» соответствующих институтов для конкретной страны. Как показано в работах Мейера с коллегами, распространение этой «культурной» идентичности имело важные «структурные последствия» в области политического и экономического развития, которые невозможно объяснить логикой естественного совершенствования национальных структур за счет внутренних факторов или «борьбы» за доминирующие позиции в рамках конкретного социального поля между конкурирующими акторами [Schofer et al., 2021].

Однако современный этап деструктуризации больше, чем прежние стадии общественной эволюции со второй половины XX в., характеризуется отсутствием не только реального «центра силы» в мире, но и, что не менее важно, представления о нем. Напротив, общепризнан трудно преодолимый структурный и культурный разрыв между конкурирующими «центрами». Это оказывает мощное воздействие на всё структурирование социальной жизни, облегчая легитимизацию (и в то же время оспаривание) самых разных стратегий, правил, норм и связанных с ними вариаций агентности на каждом уровне.

На наш взгляд, если всё же попытаться содержательно сформулировать общий вектор глобальной макроструктурной динамики XX–XXI вв., то, вероятно, таковым можно считать рост легитимности агентности и ее практических проявлений на разных уровнях социальной организации, включая глобальное измерение. В качестве подтверждения можно привести указанный выше рост интереса к предпринимательству и его институционализация в системах образования по всему миру [Сорокин, Фрумин, 2022].

Мезоуровень. Необходимо изучение не только динамики изменения социальных полей как таковых, но и траекторий движения личности «через поля» (организации,

институты, сообщества и т.п.), включая трансформационные эффекты соответствующих перемещений на структуры. При этом особое значение имеет изучение типичных форм и видов индивидуальной агентности, связанной с движением человека «в структурах» и «через структуры».

Разница с традиционными исследованиями мобильности состоит в том, что в предлагаемом подходе основным предметом внимания выступают не структурные связи между полями, направляющие соответствующие перемещения большинства акторов таким образом, чтобы поддерживать сложившуюся структурную конфигурацию и ее «естественное» развитие. Вместо этого на первый план выходит движение акторов, которое может не только воспроизводить, но и нарушать заданную тем или иным полем логику, разрушать существующие и выстраивать новые связи между полями, равно как и формировать новые поля.

В качестве первого шага можно полагать, что на объем и силу потенциала «агентности» индивидуального актора могут влиять разнообразие и богатство его опыта с точки зрения не просто «пребывания», но и активного действия в разных полях (в том числе в полях особенно различающимися «правилами игры»). Особенно ценным может быть опыт вертикальной мобильности (восходящей и нисходящей), а также переживания особенно масштабных кризисов/изменений в полях. Более того, каждый индивид может быть рассмотрен как центр своего собственного динамически меняющегося «социального поля», пересекающегося с другими «полями» и вовлекающегося/вовлекаемого в соответствующие взаимодействия, которые могут быть в большей или меньшей степени результатами инициативного действия и самостоятельного выбора и находиться «в центре» или «на периферии» соответствующих социальных процессов. Современная «проектная» организация образования и трудовой деятельности во многих признанных ведущими организациями в существенной степени реализуют этот принцип: сотрудник (или студент) может выбирать, в какие проекты включаться, а также инициировать собственные проекты, степень успешности которых определяет размер материального вознаграждения или объем образовательных кредитов.

Ключевой вопрос на **микроуровне** состоит в том, какие именно подверженные эмпирической фиксации характеристики могут рассматриваться как признаки индивидуального потенциала агентности или как ее ключевые предпосылки? Кажется перспективным не ограничиться анализом опыта действия актора в конкретных средах, но посмотреть на непосредственно индивидуальные («внутренние») характеристики. Указанная задача может рассматриваться как развитие тезиса Флигстина и Макадама о «социальном навыке», который пока не только не получил эмпирической операционализации, но и серьезного внимания на теоретическом уровне со стороны ни одной из сотен работ в зарубежной литературе, цитировавших соответствующую публикацию.

Потенциально продуктивным для понимания микроуровня социальной реальности, включая ее «агентный» компонент, может оказаться обращение к смежным, прежде всего, психологическим дисциплинам. Среди социологов становится модой претендовать на учет разработок психологов [Brossard, Sallee, 2020]. Однако не все социологи знают, что психология подвержена той же проблеме, что и социология: в мейнстриме доминируют теории и взгляды на человека, рожденные в середине XX в. Есть и альтернативные разработки, но их труднее идентифицировать, для неспециалистов они зачастую остаются за кадром (яркий пример – указанная выше статья Мей [May, 2013] об общей теории внедрения новшеств, в которой представления о теории деятельности соответствуют ранним фазам развития соответствующих разработок (см. подробнее [Mironenko, Sorokin, 2020])). В современной психологии можно найти более актуальные исследования, открывающие важные «границы» личности: ее принципиальную изменчивость, способность к проактивному поведению, генерации и изменению идентичности и многое др. [Sosnowska et al., 2019; Shahar, 2020]. Указанные разработки дают основания полагать, что потребность в трансформации окружающего, в том числе социального мира, – является не менее «экзистенциальной» для человека, чем потребность в принадлежности к социуму, на что опираются Флигстин и Макадам в теоретическом обосновании идеи о «социальном навыке».

Российские социологи в последнее время предложили разработки, которые высоко релевантны указанным задачам и признают формирование новой реальности [Ельчанинов, 2022]. Вместе с тем особенно востребован может быть эмпирический анализ социальных феноменов, связанных с новым деструктурированным состоянием социального мира и возникающих в этих условиях «окна возможностей» созидательной индивидуальной агентности – прежде всего, в области экономического, технологического, социального, корпоративного и иных форм предпринимательства.

* * *

Проведенный анализ выявляет не только барьеры и трудности, но и возможные ресурсы для понимания проблемы агентности как центральной для современной социологии. Движение в сторону выделенных направлений поможет не только повышению объяснительной силы социологических теоретических моделей, но и эмпирическому пониманию новых реалий социальной жизни, а также выработке практических решений актуальных проблем общественного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гошин М.Е., Сорокин П.С., Косарецкий С.Г. Агентность школьников в условиях изменений образовательного контекста в период пандемии COVID-19: источники, проявления и эффекты // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 394–417. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2145.
- Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2004.
- Ельчанинов М.С. Эпоха глобальной бифуркации: планетарные проблемы и исторические альтернативы // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 124–135.
- Йоас Х. Креативность действия / Пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2005.
- Катерный И.В. Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы. М.: ЛЕНАНД, 2021.
- Кравченко С.А. Амбивалентности цифровизации: востребованность ее национально-культурной модели для устойчивого развития // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 29–37. DOI: 10.31857/S013216250020181-2.
- Масловский М.В. Межкультурное взаимодействие и социальные поля: новые теоретические подходы в европейской и американской социологии // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 11–18.
- НИУ ВШЭ. Опрос студентов вузов очной формы обучения в рамках Мониторинга экономики образования. 2021/2022 уч. г. Москва.
- Ребугини П.А. Критическая агентность и будущее критики // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 3–16.
- Сорокин П.С., Зыкова А.В. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI в.: обзор и интерпретация международного опыта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 216–241.
- Сорокин П.С., Фрумин И.Д. Образование как источник действия, совершенствующего структуры: теоретические подходы и практические задачи // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 116–137.
- Сорокин П.С., Фрумин И.Д. Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 27–36.
- Фетисов В.Я. Контуры диагноза для социологии // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 14–28.
- Фильк Д., Рам У. Марксизм после постмодернизма: переосмысливая субъект политики освобождения // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 22–32.
- Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей / Пер. с англ. Е.Б. Головляницыной. М.: ВШЭ, 2022.
- Albiol Sanchez J., Diaz-Serrano L., Teruel G. Is Self-employment a Way to Escape from Skill Mismatches? (No. 9008). Bonn: IZA Discussion Papers, 2015.
- Ali M. A systematic literature review of sustainable entrepreneurship with thematic analysis // World Journal of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development. 2021. No. 17(4) DOI: 10.1108/WJEMSD-11-2020-0150.
- Archer M.S. Structure, agency and the internal conversation. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Bernstein R.J. The Pragmatic Turn. Cambridge: Polity, 2010.

- Bromley P., Meyer J.W. Hyper-management: Neoliberal expansions of purpose and leadership // *Organization Theory*. 2021. No. 2 (3) DOI: 10.1177/26317877211020327.
- Brossard B., Sallee N. Sociology and psychology: What intersections? // *European Journal of Social Theory*. 2020. No. 23(1). P. 3–14.
- Cavazzoni F., Fiorini A., Veronese G. How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency // *Social Indicators Research*. 2021. No. 159. P. 1125–1153.
- Emirbayer M., Misch, A. What is agency? // *American journal of sociology*. 1998. No. 103(4). P. 962–1023.
- Fligstein N., McAdam D. Toward a general theory of strategic action fields // *Sociological theory*. 2011. No. 29(1). P. 1–26.
- Kluttz D.N., Fligstein N. (2016). Varieties of sociological field theory // *Handbook of contemporary sociological theory*/ Ed. By S. Abrutyn. Springer: Cham, 2016. P. 185–204.
- May C. Towards a general theory of implementation. *Implementation Science*. 2013. No. 8(1). P. 1–14.
- Opara M., Okafor O.N., Ufodiye A., Kalu K. Institutional entrepreneurship: collaborative change in a complex Canadian organization // *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. 2021. No. 34(9). P. 284–314.
- Piironen T. For "Central Conflation" A Critique of Archerian Dualism // *Sociological theory*. 2014. No. 32(2). P. 79–99.
- Ruotsalainen S., Elovainio M., Jantunen S., Sinervo T. The mediating effect of psychosocial factors in the relationship between self-organizing teams and employee wellbeing: A cross-sectional observational study // *International Journal of Nursing Studies*. 2022. No. 138. P. 1–7.
- Schofer E., Ramirez F.O., Meyer J.W. The societal consequences of higher education. *Sociology of Education*. 2021. No. 94(1). P. 1–19.
- Shahar G. The subjective-agentic personality sector (SAPS): Introduction to the special issue on self, identity, and psychopathology // *Journal of Personality*. 2020. No. 88(1). P. 5–13.
- Sosnowska J., Kuppens P., De Fruyt F., Hofmans J. A dynamic systems approach to personality: The Personality Dynamics (PersDyn) model // *Personality and individual differences*. 2019. No. 144. P. 11–18.

Статья поступила: 19.10.22. Финальная версия: 18.01.23. Принята к публикации: 02.02.23.

THE PROBLEM OF "AGENCY" THROUGH THE PRISM OF A NEW REALITY: CONDITIONS AND PERSPECTIVES

SOROKIN P.S.

National Research University "Higher School of Economics", Russia

Pavel S. SOROKIN, Cand.Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Head of the Laboratory for Human Potential and Education Research, Institute of Education, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia (psorokin@hse.ru).

Acknowledgement: This article was supported under the HSE Basic Research program.

Abstract. In the context of a new phase of the evolution of society, characterized by accelerated destructure, the problem of "agency" requires rethinking. To study the role and potential of individual action in the transformations of the social environment, it is necessary to develop new theoretical models and methodological solutions. For this purpose, a critical review of research in international sociology, as well as recent developments of Russian sociologists, is proposed. Overview of theoretical discussions, including developments in the strategic action fields theory (Fligstein and McAdam), allows to highlight both the achievements and limitations of the modern international mainstream. The importance of the ontological aspect of the "structure-action" problem is shown, which does not receive sufficient attention in international discussions. The article concludes with the formulation of promising research directions at the macro-, meso- and micro-levels of social reality for understanding the problem of agency, with an emphasis on the potential of Russian sociology. On macro-level, more than in the previous stages of social evolution since the second half of the 20th century, there is absence of any single "center of power", which brings significant variety to manifestations of agency. On meso-level we suggest to integrate into research models the thesis about the increasing nature of structures' instability, which also implies the opening possibilities of practical interventions. On micro-level further development of the thesis of Fligstein and McAdam about the "social skill" is required, which has not yet received empirical operationalization, for which elaborations of psychologists might be useful.

Keywords: de-structure, agency, structure-action, global crisis, international sociology.

REFERENCES

- Albiol Sanchez J., Diaz-Serrano L., Teruel G. (2015) *Is Self-employment a Way to Escape from Skill Mismatches?* (No. 9008). Bonn: IZA Discussion Papers.
- Ali M. (2021) A systematic literature review of sustainable entrepreneurship with thematic analysis. *World Journal of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*. № 17(4). DOI: 10.1108/WJEMSD-11-2020-0150.
- Archer M.S. (2003) *Structure, agency and the internal conversation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bernstein R.J. (2010) *The Pragmatic Turn*. Cambridge: Polity.
- Bromley P., Meyer J.W. (2021) Hyper-management: Neoliberal expansions of purpose and leadership. *Organization Theory*. No. 2 (3) DOI: 10.1177/26317877211020327.
- Brossard B., Sallee N. (2020) Sociology and psychology: What intersections? *European Journal of Social Theory*. No. 23(1): 3–14.
- Cavazzoni F., Fiorini A., Veronese G. (2021) How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency. *Social Indicators Research*. No. 159: 1125–1153.
- Devyatko I. (2004) *Sociological theories of activity and practical rationality*. Moscow: Avanti Plus. (In Russ.)
- Elchaninov M. (2022) The Era of global bifurcation: planetary problems and historical alternatives. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 124–135. DOI: 10.31857/S013216250018466–5. (In Russ.)
- Emirbayer M., Misch A. (1998) What is agency? *American journal of sociology*. No. 103(4): 962–1023.
- Fetisov V. (2022) Shaping the diagnosis to sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 14–28. DOI: 10.31857/S013216250022304-7. (In Russ.)
- Filc D., Ram., U. (2015) Marxism after postmodernism: Rethinking the emancipatory political subject. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 22–32. (In Russ.)
- Fligstein N., McAdam D. (2011) Toward a general theory of strategic action fields. *Sociological theory*. No. 29(1): 1–26.
- Fligstein N., McAdam D. (2022) *Fields theory*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Goshin M.E., Sorokin P.S., Kosaretsky S.G. (2022) Agency of Schoolchildren in the Changing Educational Context during COVID-19 Pandemic: Sources, Manifestations, and Effects. *Monitoring obshchestvenno mneniya: ekonomicheskie i sotsialnyie izmeneniya* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5: 394–417. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2145. (In Russ.)
- Joas H. (2005) *Creativity of action*. St. Peterburg: Aleteya. (In Russ.)
- Kluttz D.N., Fligstein N. (2016) Varieties of sociological field theory. In: *Handbook of contemporary sociological theory*. Ed. By S. Abrutyn. Springer: Cham:185–204.
- Kravchenko S. (2022) Ambivalence of digitalization: demand for national-cultural model for sustainable development. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 29–37. DOI: 10.31857/S013216250020181-2. (In Russ.)
- Maslovsky M. (2016) Inter-cultural interaction and social fields: new theoretical approaches in European and American sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 11–18. (In Russ.)
- May C. (2013) Towards a general theory of implementation. *Implementation Science*. No. 8(1): 1–14.
- NRU HSE. *A survey of full-time university students in the framework of Monitoring the economics of education. 2021/2022 academic year.* (2023) Moscow. (In Russ.)
- Opara M., Okafor O.N., Ufodike A., Kalu K. (2021) Institutional entrepreneurship: collaborative change in a complex Canadian organization. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. No. 34(9): 284–314.
- Piirainen T. (2014) For “Central Conflation” A Critique of Archerian Dualism. *Sociological theory*. No. 32(2): 79–99.
- Rebughini P.A. (2018) Critical Agency and the Future of Critique. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 3–16. DOI: 10.31857/S013216250002781-2. (In Russ.)
- Ruotsalainen S., Elovainio M., Jantunen S., Sinervo T. (2022) The mediating effect of psychosocial factors in the relationship between self-organizing teams and employee wellbeing: A cross-sectional observational study. *International Journal of Nursing Studies*. No. 138: 1–7.
- Schofer E., Ramirez F.O., Meyer J.W. (2021) The societal consequences of higher education. *Sociology of Education*. No. 94(1): 1–19.
- Shahar G. (2020) The subjective–agentic personality sector (SAPS): Introduction to the special issue on self, identity, and psychopathology. *Journal of Personality*. No. 88(1): 5–13.
- Sorokin P. Froumin I. (2022) “Structure/agency” problem in the 21st century: changing social reality and research implications. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 27–36. (In Russ.)
- Sorokin P.S., Zykova A.V. (2021) «Transformative Agency» as a Subject of Research and Development in the 21st Century: A Review and Interpretation of International Experience. *Monitoring obshchestvenno*

- mneniya: ekonomicheskie i sotsialnyie izmeneniya* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5: 216–241. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1858. (In Russ.)
- Sorokin P.S., Froumin I.D. (2022) Education as a Source for Transformative Agency: Theoretical and Practical Issues. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 1: 116–137.
- Sosnowska J., Kuppens P., De Fruyt F., Hofmans J. (2019) A dynamic systems approach to personality: The Personality Dynamics (PersDyn) model. *Personality and individual differences*. No. 144: 11–18.
- Katerniy I.V. (2021) *Posthumanism. Humans in the era of new sociality: metamorphoses, narratives, dilemmas*. Moscow: LENAND. (In Russ.)

Received: 19.10.22. Final version: 18.01.23. Accepted: 02.02.23.